

ИЗ ИСТОРИИ ПРИВАТИЗАЦИИ

КУЗНЕЦОВА Александра Павловна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН.

Причины, цели и формы приватизации в истории общества подробно исследовались в науке. Целые столетия были потрачены на приватизацию общинных земель на материках (в Европе, Америке, Африке, Азии), на превращение общей коллективной собственности в индивидуальную частную собственность на землю.

Необходимо отметить, что в русле анализа приватизации существует неоднозначная оценка форм собственности. При этом есть направление, согласно которому общинная собственность в ее классический период отождествляется с общественной, коллективной формой собственности. И есть авторы, которые рассматривают общинное хозяйство как содержащее в скрытом виде самые разные подходы к проблеме собственности. Автор данной статьи придерживается первого направления.

Община, по мнению ее исследователей, представляла собой сплоченное и устойчивое образование [1, с. 15, 132 и др.], которое тысячелетиями

противостояло всем попыткам разрушить ее. Особенности общинного самоуправления на базе общей собственности позволила частично сохраниться ей даже в условиях классового общества. Известный немецкий исследователь истории общины Г.Л. Маурер считает, что из общины постепенно произошли города, их управление, суды, парламенты и т.д., общественная власть в широком смысле слова; и все эти формы могут быть поняты только из своих истоков и из своей основы. Города-республики средневековья, цехи и цеховые союзы ремесленников (цеховые общины) были основаны на общинном принципе социального равенства. А утрата цеховыми союзами общинного самоуправления коллективной собственностью привела к превращению их в капиталистические мануфактуры с частной собственностью на средства производства и к наемному труду лишенных собственности работников.

Однако стремление к сохранению или возрождению коллективного самоуправления общей собственностью вместо частной никогда не угасало в обществе. Оно формулировалось в лозунгах крестьянских мятежей и войн, в стачках, забастовках и революциях рабочих, являлось почвой буржуазных революций [2, с. 1, 236—242 и др.; 3, с. 5, 164—167 и др.].

Наиболее откровенно причины и приемы прива-

тизации выявились при колонизации европейцами Америки, Африки, Индии.

Прежде всего исследователи приватизации подчеркивают, что целью превращения общинной собственности в частную никогда не было ни развитие экономики страны, где проводилась приватизация, ни хотя бы сохранение хозяйства.

Напротив, как осуществление ускоренной насильственной приватизации в колониях, так и приватизация в тех или иных странах Европы сопровождались экономическим упадком всей страны и разорением местного населения. Так, Э.Л. Лавеле описывает результаты перехода от общинной собственности к частной, опираясь на работы Тита Ливия, Тиберия Гракха и др. Когда земля вместо свободных общин с развитым земледелием, перешла в руки аристократов, то результатом стало обезлюдение, Римская империя опустела и была захвачена варварами [3, с. 55—57]. Впоследствии здесь

предпринимались попытки возрождения общественной собственности. Г.С. Мэн также отмечает всеобщее порицание экономической политики англичан-приватизаторов в Индии. Он пишет, что частные собственники, которые появились благодаря лорду Корнваллису, «имеют, как землевладельцы, самую дурную репутацию...» [4, с. 97].

Уничтожение коллективного владения везде означало в конечном итоге обезземеление крестьянства во всех странах: оно впадало в нищету, развивался пауперизм, миграция населения, которая разрасталась и принимала опасный характер для новых (частных) собственников и правительства. Население разорялось, впадало в бедность и погибало. В результате разрушения правильного ведения сельскохозяйственного производства свирепствовал голод [5, с. 209 и др.; 3, с. 55—57]. Шло

постоянное сокращение мелких землевладельцев, «тогда как, с другой стороны, все свободное землевладение сосредоточилось в руках немногих» [6, с. 221]. Характерно также, что в Индии, как это

часто наблюдается при насильственной приватизации, большая часть земель провинции быстро сосредоточилась в руках немногих городских капиталистов. Они сдавали свою землю отдельными участками в краткосрочную аренду. При такой аренде обычно не делалось вложений в землю, истощалась почва, ирригация приходила в упадок,

разрушалась и погибала, т.к. ею некому было заниматься, ибо колонизаторы не собирались заниматься сельскохозяйственным трудом и его инфраструктурой вместо общинников. В противоположность новым собственникам община прежде занималась плодородием почвы, ирригацией, устройством дорог и т.п. [7, с. 163—164]. Тех, кто проводил насильственную приватизацию, не заботило производство чужой страны.

Исследователи общинной земельной собственности подчеркивают, что такое разорение производства в колониях вообще не могло быть в общинах по причинам самого общинного управления. Причины ухудшения положения общин, если таковые были, обычно шли извне: ураганы, наводнения, засухи и т.п. Разорение же населения и экономический упадок в условиях приватизации в колонизируемых странах происходили, напротив, именно по причинам нового типа управления, которое устанавливалось вместо общинного коллективного самоуправления.

Возникает вопрос, чего же добивались колонизаторы уничтожением общинного землевладения, общинной формы самоуправления, если это повсюду приводило к экономическому разорению и обнищанию населения?

Вопрос о целесообразности разрушения привычных для населения форм ведения хозяйства возник через определенное время и перед самими колонизаторами. Дело в том, что обнищание населения из-за изъятия коллективного землепользования сделало крестьян неспособными выплачивать назначенные колонизаторами налоги, которые бы пополняли казну метрополии. Сумма недоимок в казну неуклонно возрастала. Крах финансовой политики англичан, разорение хозяйства, недовольство приватизацией, социальная напряженность, нарастание конфликтов, восстания крестьян против навязанных им помещиков и т.п. колонизаторы пытались компенсировать, как обычно, политикой огня и меча в отношении к непокорным. Так, поземельная политика испанцев в Америке являлась политикой истребления краснокожих, когда их было уничтожено 12—15 млн. человек. Только на Гаити в 1492 г. уничтожен 1 млн. человек, в 1508 г. — 60 тыс., в 1517 г. — 14 тыс. [7, с. 47]. Все эти неудачи и протесты вынуждали колонизаторов задуматься над своей политикой приватизации.

Результатом явился пересмотр англичанами и французами их взглядов на собственность.

Насильственная приватизация в колониях первоначально базировалась на понимании единственно возможного варианта собственности — только частной собственности. Она «священна», «неприкосновенна», охраняется государством. Если нет частной собственности, то нет собственности вообще, и земля — «ничья собственность».

Исследователи по колонизации вскрывают роль субъективного фактора в разрушении общественной формы собственности: роль «ходячих» взглядов,

общепринятых воззрений европейцев, науки, особенно экономической, т.е. роль того «невежества» завоевателей, которое сыграло роковую роль в истории индийских, африканских и американских народов. Данный анализ субъективного фактора исключительно актуален для понимания современной приватизации в России, СНГ в целом и других странах.

«Трудно привести более резкий пример совершенного непонимания европейцами иных условий жизни, кроме тех, в которых они выросли, как положивши историю поземельной политики англичан в Ост-Индии» [7, с. 156], где англичане производят систематическое уничтожение общинного землевладения у индусов. Точно так же действуют и французы. «Собственность, субъектом которой являлось бы не частное лицо, а целый род, казалась правительству Людовика-Филиппа столь же аномальным явлением, как и английской Ост-Индской компании» [7, с. 213]. Это дало повод специалистам по общинной собственности иронизировать относительно интеллектуальной прозорливости европейцев. Завоеватели не принимали всерьез историю и содержание частной собственности и в своей стране. Они усвоили ее лишь как предрассудок. Поэтому не могли переносить ее в индийские провинции иначе как пародию. Так, лорд Корнвиль не считал возможным наладить управление в Индии «без пародирования английской системы поземельных отношений, он ни на минуту не усомнился в необходимости создать крупных землевладельцев, хотя бы из сборщиков налогов смененного англичанами правительства» индусов [7, с. 162].

Возмущаясь неспособностью европейских завоевателей понять культуру, жизненный строй, цели и способы ведения хозяйства другой цивилизации, Г.С. Мэн пишет, что такое невежество просто «постыдно». «Невежество относительно Индии, сверх того, непонятно, потому что сведения об этом предмете чрезвычайно изобильны и доступны...». Однако вопрос общинной собственности в Индии все еще считается крайне неинтересным, «тому доказательство в изобилии представляют и парламент, и печать, и общественная литература. Но невежество относительно Индии более постыдно, чем неведение римского права» [4, с. 13]. (Современные российские ученые-реформаторы крайне удивились бы, если бы им сказали, что постыдно не знать роли и значения общинной собственности и результатов ее приватизации для судеб народов как в прошлом, так и в настоящем и будущем, постыдно считать общественную собственность «ничьей» собственностью или отсутствием собственности вообще.)

Неудачи англичан и поиски путей выхода вынудили их осознать, что община — это особое, общинное самоуправление и коллективная собственность, а не поселение, состоящее из частных владений, что отдельный член общины — не изолированный субъект, а подлинным субъектом выступает вся община, ее общее собрание.

Безуспешная английская политика послужила уроком и для французских колонизаторов. Чтобы вступило в действие законодательство французского парламента (1873) о введении частной собственности в Алжире, необходим был декрет императора. Однако Наполеон III, ознакомившись с отрицательными результатами английской земельной политики в Индии, был против и считал, что приватизация будет страшной ошибкой. Он не издал декрет, благодаря чему преследуемая парламентским законом цель обезземеления арабских общин в пользу европейских колонистов не была достигнута [7, с. 227].

Эти примеры лишний раз доказывают, какое большое значение имеют степень квалификации, знание существа дела и соответствующее этому принятое законодательство в судьбе народов и государств.

В Индии начавшееся понимание и признание такой социальной формы производства как общинная собственность, проявилось в том, что в одной из ее провинций с 1822 г. осуществлялось заключение «правительством прямых соглашений не с отдельными владельцами в пределах сельских общин, как прежде, а с целыми общинами... в тех местах, в которых последние держались еще в большей или меньшей неприкосновенности» [7, с. 176]. В этом нашло свое выражение признание общины как особого общественного института, выполняющего роль хозяйственного, юридического, политического субъекта, общественного субъекта собственности.

О том, что не стоит разрушать общину, а целесообразно считаться с ней и приспособляться, говорят и частные исправления кадастра. Все эти исправления, «продолжающиеся до нашего времени», «имели... в виду расширение общинного начала владения землею. Господствующим типом поземельных отношений признавалась при производстве их не частная собственность, как прежде, а общинное владение» [7, с. 176—177]. От изменения концепции, от уровня понимания природы другой цивилизации зависело и законодательство. Сначала колонизаторы исходили только из необходимости насильственного слома общинной собственности и принудительного искусственного внедрения частной, что соответствовало первоначальному ходячим предрассудкам англичан и формулировалось ими в законах. Затем — исправление законов о частной собственности, расширение начал общинной собственности и признание ее господствующей формой поземельных отношений. Зарождались предпосылки бесконфликтного социально-экономического развития.

Однако восстановление общинной собственности было прервано, а сохранение общин признано англичанами вредным и санкционировано их разрушение.

В чем причины такого решения, если с точки зрения экономической требовалось не уничтожение общинной формы, а признание ее и сотрудничество с

ней? М.М. Ковалевский подчеркивает, что причина была политической и состояла в опасности со стороны общинных союзов как формы сплоченной и гибкой самоорганизации населения, способной дружно противостоять грабегам колонизации. Видя в общине опасного противника, англичане выступили только как буржуазный класс против другого класса (трудового общинного крестьянства, сброшенного на положение сельского пролетариата). Бескомпромиссность и жестокость по отношению к местному населению обусловлена и тем, что англичане были внешними захватчиками, Индия оставалась для них чужой. Их не интересовало нормальное экономическое развитие чужой страны. Главным было удержаться в ней. Для этого бесцеремонно убирался потенциальный враг, способный это сорвать, — общины и их союзы. В прошлом и внутри своей страны англичане проводили жестокую политику приватизации общинной земли, сгон крестьян, что привело к образованию армий бродяг и нищих, опасных для новых и старых земельных собственников. Но в Англии обезземеливание своих крестьян было вызвано в основном развитием выгодной текстильной промышленности, производством для нее шерсти (овцы поедали людей), т.е. диктовалось ростом прибыли за счет развития производства. В Индии же преобладали откровенно политические причины: страх колонизаторов перед общинами, боязнь общин при непосильных поборах, регулярном ограблении. Это выдавало признание преимущества общинной организации в социальном, политическом и военном плане, несмотря на лучшее техническое оснащение армии англичан, а также выявило то, что не интересы экономики Индии и ее населения диктовали действия англичан. Они признавали, что невозможно справиться с общиной в случае несвоевременного покрытия недоимок, и считали, что нужно восполнять недоимки по налогам путем продажи с публичных торгов наделов несостоятельных плательщиков правительственных сборов. Здесь вновь англичанам мешала общинная организация, т.к. трудно найти покупателя (еще и за высокую цену), которой согласился бы купить участок и жить рядом с общиной.

По существу причины сводились к общей основе: к политике колонизатора как можно больше и быстрее пограбить чужую страну (пока население не выгнало захватчиков), не думая ни о сохранении населения, ни об экономике этой страны.

Таким образом, община была опасна для захватчиков как определенный общественный институт, где все были за каждого и один за всех. Забрать всю землю у общины одним актом до разрушения ее социального управления было невозможно, т.к. община была сильной организацией. Кроме того, чтобы пополнять казну за счет колонии, необходимо, чтобы в ней велось хозяйство, за счет которого идут налоги. Нужно было хозяйство, но без общины, без организации трудового населения в сплоченную общественную силу. Такой формой яв-

ляется частная индивидуальная собственность на землю, когда все земледельцы разобщены и не представляют поэтому опасности для завоевателей. При этом для колонизаторов не важно, что разрушение общины приведет к упадку экономики, ухудшению жизни людей на завоеванной территории и т.п. Главное, что разрушение общин — залог безопасности захватчиков и новых землевладельцев. На первом месте — защита социального статуса искусственно созданного господствующего слоя за счет благополучия индусов, будущего их страны и народа. Община разрушалась как форма политического, экономического, нравственно-правового и духовного объединения, обеспечивающего воспроизводство жизни без социального противостояния внутри себя, без неравенства.

Что же получило население после разрушения общинной собственности? С XV по XIX вв. и в настоящее время приемы колонизации и обезземливания населения повторяются и отрабатываются одни и те же.

Сначала разрушаемся общинная неделимая собственность местного населения. Часть ее передается новым крупным собственникам, другая часть делится на участки между прежними общинниками, создают мелкие индивидуальные частные собственники, не связанные между собой и лишенные взаимной поддержки.

Далее мелкие земельные собственники направлялись по путям, хорошо известным приватизаторам. У мелких землевладельцев имелись только обязательства перед правительством колонизаторов — платить налоги. А в обычную практику колониальной администрации входило постепенное увеличение налогов и ужесточение условий их взимания [7, с. 165]. Налоговая политика служит важнейшим средством разорения крестьян.

Кроме того, при приватизации характерна недоработанность вводимого законодательства в деталях, особенно в регулировании прав и обязанностей мелких собственников в отношении с государственными чиновниками и крупными собственниками. Это позволяло расцветать поборам и вымогательствам с местного населения [7, с. 165].

У мелких собственников не было средств для ведения хозяйства и возможности совершенствования сельскохозяйственного производства, поддержания ранее действовавшей ирригации, многопольной системы земледелия; всеобщей была необеспеченность положения фермеров. Результатом становилось разрушение хозяйства, голод, вымирание.

В этих условиях, как обычно в такой ситуации, население было вынуждено закладывать земельные участки, чтобы получить средства для их обработки [7, с. 172, 185—188, 193, 207 и др.]. Однако этих

средств не хватало, крестьяне не могли вернуть залог и теряли землю, которую у них забирали в уплату долга. Крестьянами брались также деньги под грабительские проценты у ростовщиков, а расплачиваться с ними за долги зачастую также приходилось землей. Эксплуатация крестьян путем ссуд за ростовщические проценты — распространенная форма при мелком землевладении.

Искусственно созданные мелкие собственники вынуждались тем самым к «добровольному» отказу от собственности на землю и переходили в категорию несвободных, арендаторов или оброчных. Особую роль в массовом обезземливании населения и потере тем самым средств существования, кроме залога земли и ростовщического капитала, играла купля-продажа земельных участков [7, с. 71, 226—227 и др.]. Распространился целый слой скупщиков и спекулянтов землей. С потерей земли как средства существования возростала миграция населения, в борьбе с которой правительства проводили политику закрепощения сельскохозяйственного населения.

Таким образом, во всех странах, где проводилась приватизация общинных земель, их раздел и искусственное создание индивидуальной частной собственности, земельные участки недолго оставались в руках местного населения. Шло массовое обезземливание трудового крестьянства. Приватизация, внедрение индивидуальной частной собственности сыграли роковую роль в разобщении местного населения, в лишении его организационных основ защиты своего существования — общинного самоуправления, коллективного ведения хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мэн Г.С.* Древний закон и обычай. (Исследование по истории древнего права). М., 1884.
2. *Лавеле ЭЛ.* Первобытная собственность. СПб., 1895.
3. *Лавеле ЭЛ.* Основания политической экономики. М., 1895.
4. *Мэн Г.С.* Деревенские общины на Востоке и Западе. СПб., 1874.
5. *Ковалевский М.М.* История полицейской администрации и полицейского суда в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда III. К вопросу о возникновении местного самоуправления в Англии. Прага, 1877.
6. *Маурер Г.Л.* Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти. М., 1880.
7. *Ковалевский М.М.* Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879.